

Ванесса Диффенбах

**Я ГОВОРЮ
НА ЯЗЫКЕ ЦВЕТОВ**

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)6-44
Д50

Перевод с английского Ю. Змеевой

Диффенбах, В.

Д50 Я говорю на языке цветов / В. Диффенбах ; [пер. с англ. Ю. Змеевой]. – М. : Т8RUGRAM / РИПОЛ классик, 2017. – 318 с.

ISBN 978-5-519-62566-1

Виктории восемнадцать, и она боится прикосновений и слов, своих и чужих. Она боится любить. Тайный сад стал её убежищем и родным местом, где все страхи испаряются. Только через цветы она способна общаться с миром. Цветы могут вернуть людям счастье и излечить душу. Но чтобы заживить собственные раны, Виктории нужен свой цветок.

«Я не доверяю, как лаванда. Защищаюсь, как рододендрон. Одинока, как белая роза. А когда я боюсь, за меня говорят цветы.»

Удивительный роман Ванессы Диффенбах – это незабываемая история о девушке, говорящей на языке цветов, которая покорила сердца миллионов читателей по всему миру.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)6-44
ВІС FА
BISAC FIC027020

© Т8RUGRAM, оформление, 2017
Copyright © 2011, by Vanessa Diffenbaugh.
Originally published In 2011 by Ballantine/
Random House, New York, NY, USA
The book was negotiated through Brick House
Literary Agency and Goumen&Smirnova Literary
Agency (www.qs-aqency.com)
© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2017

ISBN 978-5-519-62566-1

Мох считается символом материнской любви, потому что, подобно этой любви, утешает сердце с наступлением невзгод зимы, когда летние друзья нас покидают.

Генриетта Дюмон, «Язык цветов»

I

СОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ

1

ВОСЕМЬ ЛЕТ МНЕ снился огонь. Я проходила мимо деревьев — и они вспыхивали; пылали океаны. Во сне волосы пропитывал сладкий дым, и, когда я вставала, его аромат облаком оседал на подушке. Но в день, когда загорелся мой матрас, я, вздрогнув, проснулась. Резкий химический запах был совсем не похож на сахарную дымку моих снов, как жасмин желтый не похож на жасмин низкий: первый символизирует разлуку, второй — привязанность. Их нельзя перепутать.

Встав посреди комнаты, я увидела источник пламени: аккуратный ряд спичек у подножия кровати. Они загорались одна за другой: пылающий заборчик у окантованного края матраса. Глядя, как они горят, я почувствовала страх, несоизмерный маленьким дрожащим огонькам, и на мгновение замерла: мне снова было десять, и снова я была исполнена отчаяния и надежды, каких не испытывала ни прежде, ни потом.

Но, в отличие от чертополоха поздним октябрём, голый синтетический матрас не вспыхнул. Он задымился, а потом огонь погас.

В тот день мне исполнилось восемнадцать.

НА ПРОДАВЛЕННОМ ДИВАНЕ в гостиной сидели девочки. Пробежавшись по моему телу, их глаза остановились на босых ногах, на

которых не было следов ожога. На лице Аманды нарисовалось облегчение; Клер казалась разочарованной. Кто-то засмеялся. Мои глаза шарили по дивану, отыскивая источник звука, но безуспешно. Ближе к краю одна девочка притворялась, что спит, другая смотрела нагло, без страха. Рядом незнакомая рыжая изучала ногти.

Если бы мне предстояло остаться здесь еще хотя бы на неделю, я бы запомнила каждое из этих лиц. И отплатила бы, воткнув ржавые гвозди в подошвы туфель или подмешав мелкую гальку в тарелки с чили. Однажды я прижгла плечо спящей соседки по комнате раскаленной металлической вешалкой — за проступок куда менее серьезный, чем поджог.

Но через час меня здесь не будет. И они об этом знали — все до единой.

Клер встала. Пересекла маленькую комнату, пока не оказалась всего в паре дюймов от меня. Она была высокого роста и относилась к тому типу красивых девушек, что встречался здесь редко: осанка правильная, кожа чистая, одежда новая. Не знаю, где она ее брала. Может, крада, а может, выпрашивала у мужчин, которые у нее не переводились и были намного старше нее. Ценники болтались у нее под мышками неделями, прежде чем исчезнуть в недрах огромного стирального автомата в подвале.

Она подошла ближе, и я наклонилась, выжидая, хватит ли ей смелости коснуться меня.

— Пожар, — сказала Клер, — это привет от Оливии.

Оливия. Не помнила я никакую Оливию. Среди тех, что на диване, ее точно не было. Наверное, одна из тех, с кем я жила лет в двенадцать-тринадцать — годы после Элизабет, мой самый злой и агрессивный период.

— Тогда поблагодари ее от меня, — ответила я.

Девчонки рассмеялись, и это вывело Клер из себя. Она накинулась на них.

— Что? — воскликнула она. — Позвольте ей так просто уйти?

Смех сменился молчанием. Девочки на диване заерзали. Одна подняла капюшон, другая плотнее завернулась в одеяло. Утреннее солнце осветило ряд опущенных глаз, и они вдруг показались совсем юными и беспомощными. Из детского дома вроде этого было три пути: побег, совершеннолетие, тюрьма. Детей старше четырнадцати уже никто не усыновляет, дом они находят крайне редко, почти никогда. Эти девочки знали, что их ждет. Их глаза не выражали ничего, кроме страха: они боялись меня, боялись Клер, жизни, которая была им дана, и жизни, которую заслужили. Мне вдруг стало их жаль. Я уезжала, а у них не было выбора, кроме как остаться.

Я попыталась оттолкнуть Клер, но та придвинулась ближе, к самому моему лицу.

— Вали, — прошипела я.

Из кухни выглянула Эбби, работавшая в ночную. Ей, наверное, и двадцати еще не было, и меня она боялась больше других в этой комнате.

— Клер, — умоляюще проговорила она, — это же ее последнее утро. Отпусти.

Клер задержала дыхание, втянув живот и сжав кулаки. Я с готовностью ждала. Но она лишь кивнула и отвернулась.

До приезда Мередит оставался час. Открыв входную дверь, я вышла на улицу. Стояло обычное для Сан-Франциско туманное утро, цементное крыльцо холодило босые ноги. Я остановилась и задумалась. Я намеревалась сделать что-то в ответ, оставить для них что-то, что свидетельствовало бы о моей ненависти и готовности обидеть, но, как ни странно, во мне возникло желание простить. Может, потому, что сегодня мне исполнялось восемнадцать и для меня наконец все оставалось позади, — оттого их преступление и пробудило во мне великодушие. Перед отъездом мне захотелось как-то одолеть страх в их глазах. Сказать им, чтобы держались, пока не выберутся отсюда, а тогда уж я буду их ждать. Не буду, конечно. И никто не будет. Но напоминать им об этом было бы подло.

Спустившись по улице Фелл, я свернула на Маркет. Оказавшись на оживленном перекрестке, замедлила шаг, засомневавшись, куда идти. В любой другой день я нарвала бы однолетников в парке Дюбос, прополосала заросшую клумбу на углу Пейдж и Бьюкенен и наворовала бы трав с местного рынка. Вот уже почти десять лет я тратила каждую свободную минуту, запоминая значения и научные описания цветов, но мои знания по большей части не к чему было применить. Ведь я все время использовала одно и то же: букетик бархатцев — печаль; ведро чертополоха — мизантропия; щепотка сушеного базилика — ненависть. Символ менялся лишь изредка: красная гвоздика, подаренная судьбе, когда я поняла, что больше не вернусь на виноградник, пионы для Мередит так часто, как удавалось найти. И вот, высматривая цветочный магазин на Маркет-стрит, я листала воображаемый справочник.

Через три квартала мне встретился винный магазин, под за решеченными окнами которого в ведрах вяли завернутые в бумагу цветы. Я замедлила шаг. Букеты были в основном смешанные, а их смысл противоречив. Выбор монобукетов был небольшим: стандартные розы, красные и розовые, подвядший пучок бахромчатой гвоздики и рвущиеся на свободу из бумажного конуса шапочки пурпурных георгинов. Достоинство. Я сразу же поняла, что именно это хочу сегодня сказать. Повернувшись спиной к угловому зеркалу над дверью, я спрятала букет под пальто и побежала.

Добежав до дома, я совсем запыхалась. В гостиной было пусто; я шагнула в комнату и развернула георгины. Цветки напоминали сноп разорвавшихся фейерверков — несколько слоев пурпурных лепестков с белыми кончиками раскрывались из тугий сердцевин. Раскусив резинку, я распутала стебли. Хотя моим соседкам никогда было не понять, что значат эти георгины (да и значение их было неоднозначным способом поощрения), ступая по длинному коридору и подсовывая цветки под закрытые двери спален, я ощущала несвойственную мне легкость.